

Сергей Меньченя

Война и алкоголь: борьба за трезвость в годы Первой мировой войны на территории Двинского и Минского военных округов (1914–1916)

Ключевые слова: Первая мировая война, «сухой закон», нелегальная продажа алкоголя, алкогольные суррогаты

К началу 1914 года стало понятно, что существующая в Российской Империи система государственной винной монополии требует коренного пересмотра. Стремление государства к получению доходов привело к появлению большого количества пунктов продажи «казённого вина» и формированию «пьяного бюджета», а объявленная политика борьбы с пьянством через систему попечительств о народной трезвости не приносила желаемого результата. По проекту бюджета Российской Империи на 1912 г. в доходной части (всего – 2 855 170 тысяч рублей) доход от винной монополии планировался в размере 751 850 тысяч рублей (26%), от железных дорог – 634 055 тысяч (22%), от таможенных сборов – 328 580 тысяч (11%) (Канель 1914; 119–120). Назначая 30 января 1914 г. на пост министра финансов П. Л. Барка (1869–1937), Николай II (1868–1918) отмечал: «Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных...» (НИАБ (Гродно). Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 10). Для выработки новой государственной программы было создано Совещание о мерах борьбы с нетрезвостью, основными задачами которого были коренная перестройка хозяйственной жизни населения, соответствующее воспитание молодого поколения и подъём культурного и нравственного уровня населения. Совещание разработало план проведения мероприятий по последовательному сокращению мест продажи крепких напитков, запрещении музыки и игр в трактирах, ограничению времени продажи водки (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 604. Л. 59–62). Подготовка к боевым действиям, а затем и начало мировой войны ускорили эту работу. 18 июля 1914 г. было издано постановление о прекращении всякой торговли крепкими напитками во всех районах, где будет объявлена мобилизация, а также на путях следования войск. Исключение составляли рестораны 1-го разряда, клубы и собрания (НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 27. Д. 2948. Л. 2). На места данная

директива дошла поздно, и обеспечить должный уровень порядка и охраны мест продажи алкоголя власти не смогли, что привело к погромам. Только на территории Витебской губернии были разграблены 23 винные лавки (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806. Л. 66). В большинстве случаев призывники просили продать им водку, и только получив отказ, переходили к погрому. Наиболее масштабные волнения произошли в Лепельском уезде Витебской губернии, где полиция пришлось применить оружие (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806. Л. 36).

26 июля 1914 года Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич (1856–1929) потребовал принять меры и закрыть все зарегистрированные питейные заведения вплоть до окончания призыва и перевозки ратников ополчения, а также организовать самое строгое наблюдение за тайной продажей спиртного. 23 августа 1914 года запрет на продажу крепких напитков был продлён до конца военного времени (НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 27. Д. 2948. Л. 99). Эти меры были связаны с введением военного положения, но вместе с этим началась масштабная реформа всей питейной системы. 20 сентября 1914 года Николай II объявил о намерении навсегда запретить продажу водки в Российской Империи (Бородин 1915, 3). Данные положения позволяют судить о введении так называемого «сухого закона», или, выражаясь языком того времени, политики «принудительной трезвости» (Введенский 2008, 3).

Реализация принудительной трезвости в Российской империи имела территориальные отличия и зависела от наличия военного положения и различных указов военных властей. Свои особенности имелись и на территории Минского и Двинского военных округов, чья территория составляла значительную часть современных Беларуси, Латвии, Литвы и Польши.

4 ноября 1914 года Управление акцизных сборов Министерства финансов распространила циркуляр, который начинался словами: «для устранения соблазна к пьянству, который до сего времени создавался чрезмерностью числа мест продажи питей как в городах, так и в сельской местности, число мест продажи необходимо очень и очень уменьшить». В сельской местности в поселениях, которые не отличались ни количеством жителей, ни торговым или промышленным значением, с 1 января 1915 продажа крепких напитков полностью запрещалась. Разрешение на торговлю частным лицам выдавалось только на год, все предварительные разрешения расторгались с 1 января 1915. Корчмы на выездах из городов и вдоль крупных путей ликвидировались. Любое сомнение по пово-

ду дальнейшего существования отдельных питейных заведений должно было решаться в сторону его ликвидации (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 447. Л. 111 – 113). Началась масштабная ликвидация казенных винных лавок, так называемых «монополек». Только 4 октября по Гродненской губернии Министерством финансов было ликвидировано 20 монополек, а постановлениями сельских собраний – еще 5. Водка и спирт вывозились под надзором полиции на винные склады, заводы были ориентированы на выпуск денатуратного спирта (НИАБ (Гродно) Ф. 30. Оп. 1. Д. 594. Л. 92).

По распоряжению Верховного Главнокомандующего в местностях, находившихся на военном или осадном положении, запрещалась также продажа пива и портера (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 604. Л. 124). 13 октября 1914 года Витебский губернатор издал постановление о запрещении варить домашнее пиво. 2 ноября 1914 года запрет на продажу пива и портера был распространён на всю территорию Двинского военного округа (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48976. Л. 1, 8). В дальнейшем запретительные меры коснулись и иных алкогольных напитков. 15 марта 1915 года главный начальник Двинского военного округа князь Николай Евсеевич Туманов (1863–1917) объявил запрет на продажу вина, шампанского, ликёров и водки в ресторанах, собраниях и клубах, исключение составили лишь лёгкие и столовые вина. 26 мая 1915 был объявлен запрет на продажу всяких спиртных напитков, при этом разрешалась реализация вина, но только в лечебных целях и с согласия чиновника акцизного надзора и коменданта города (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48976. Л. 15, 294).

Под запрет попала и так называемая «пейсаховая» водка¹, которую евреи использовали во время религиозных обрядов. Вместо неё раввинам по удостоверениям разрешалось покупать определенное властями в соответствии с числом верующих количество виноградного или изюмного вина (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 604. Л. 150).

Вместе с запретом на продажу крепких алкогольных напитков вводилась ответственность за нелегальную торговлю и злоупотребление ими. 7 августа 1914 года в Обязательных постановлениях для жителей Гродненской губернии запрещалось распитие крепких напитков на улицах, путях, площадях и других открытых местах, а также нахождение в обще-

¹ Пейсаховая водка – алкогольный напиток, приготавливавшийся из изюма путем дистилляции с двойной и тройной перегонкой; употреблялся правочерными иудеями на Пасху (Песах). Выгонка пейсаховой водки была разрешена только в период с 1 января по 1 апреля.

ственных местах в состоянии явного опьянения. В сельской местности запрещалось хранить в частных домах спиртные напитки в значительном количестве. Домовладельцы должны были сообщать в полицию о случаях нелегальной продажи крепких напитков. В качестве наказания за нарушение этих правил предусматривался арест до 3 месяцев или штраф до 3 000 рублей (НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 27. Д. 2948. Л. 37).

В результате запретительных мер и недоступности крепких алкогольных напитков сложилась сложная ситуация. Рядом с позитивными результатами (уменьшение количества задержанных пьяных лиц, повышение покупательной способности населения) возникли проблемы нелегальной продажи водки и применения суррогатных напитков (Мендельсон 1916, 4). Периоду «принудительной трезвости» предшествовало время, в течение которого государство, несмотря на свой официальный курс, не слишком прислушивалось к стремлению граждан прекратить пьянство.

Противники запретительных мер недостатком политики «принудительной трезвости» часто называют рост числа правонарушений, связанных с нелегальной продажей. Однако отчасти этот рост можно объяснить усилением надзора в годы войны и другим качеством работы полиции в довоенное время. В Двинске в июне 1914 года полиция раскрыла 27 правонарушений питейного устава, в июле — 18, а в марте 1915 года — 3 (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48533. Л. 198, 216, 279). В то же время в Витебске в июне 1914 года было раскрыто 3 правонарушения, в июле — 2, в марте 1915 года — 11 (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48533. Л. 189, 213, 284). Довоенные успехи Двинской полиции объясняются регулярными рейдами совместно с акцизными чиновниками по питейным заведениям и притонам, в то время как в Витебске систематические обходы не применялись, что и отразилось в статистике.

В целом же, структура правонарушений значительно изменилась, возросло количество употребления алкогольных суррогатов, но чаще всего в местностях, где такая практика существовала и до войны. Одним из крупнейших центров самогонварения являлся Полоцкий уезд Витебской губернии, где традиции выгонки спирта из хлеба были достаточно крепки, в условиях же невозможности достать легальный алкоголь самогонщики активизировались до такой степени, что ими заинтересовалась контрразведка (потребителями самогона являлись в основном солдаты). С января по август 1916 года в Полоцком уезде было выявлено 180 случаев самогонварения и раскрыто 129 тайных заводов (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 50064. Л. 303, 321 — 334).

В латышских уездах Витебской губернии (Двинский, Режицкий, Люцинский) основные правонарушения были связаны с нелегальной варкой домашнего пива, которое местными жителями рассматривалось не как алкогольный, а как традиционный напиток. Показательным в этом плане является дело крестьянина Матиса Пельша (Режицкий уезд). В феврале 1915 года в доме Пельша была обнаружена компания крестьян, распивавшая пиво в преддверии толоки по вывозу брёвен из леса. В итоге хозяин получил штраф в 25 рублей, а пиво — 4 полных и 1 начатый бочонок — было конфисковано. В прошении Витебскому губернатору Пельш недоумевал, почему его наказали, указывая, что за варку и распитие домашнего пива по случаю похорон, свадьбы, крестин, проводов новобранцев, толоки местные власти никого к ответственности не привлекали, хотя досконально знали, «что по случаю такого-то увеселения или пиршества там и сям в такой-то день распивали пиво». Пельш отбыл 10 суток ареста и вновь обратился к губернатору, но уже с просьбой вернуть конфискованное пиво; в прошении ему было отказано (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49304. Л. 8, 20).

В городах главным содержащим алкоголь продуктом становится денатуратный спирт и политурный лак. В Вильно летом-осенью 1914 года активизировались торговцы спиртом, приготовленного из политурного лака. За вторую половину 1914 года здесь было обнаружено 58 тайных заводиков (для сравнения: за весь 1913 год — всего 15) (*Наша Нива* 1915, 3). Но более популярен был денатуратный спирт.

Потребление денатуратного спирта было опасно для жизни, тем не менее количество таких случаев в 1914 года возросло по сравнению с предыдущим временем по причине его доступности. Для предостережения населения на бутылках с денатуратом использовались яркие этикетки красного и фиолетового цвета с изображением черепа и костей (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 604. Л. 167—168). За продажу денатуратного спирта предусматривался максимальный штраф (3 000 рублей) и выселение. Иногда торговцы старались обмануть своих покупателей — денатуратный спирт разбавлялся газированным лимонадом, раствором камфары, переваривался с мёдом, но все эти меры никак не снижали опасность его потребления, а только изменяли запах и вкусовые качества.

Большое внимание уделялось проблеме пьянства среди военнослужащих, так как от этого зависела боеспособность армии и судьба государства. Но ситуация была неутешительной. В Гродно одним из мест легальной продажи крепких напитков был ресторан 1-го разряда Войцеха

Поплавского. Об обстановке здесь можно судить по рапорту гродненского полицмейстера от 9 сентября 1914 года: «офицеры, зачастую напиваясь, выходят из рамок приличия, поют песни, в самом ресторане обнажают шашки и занимаются фехтованием... компания офицеров, проходивших через Гродно частей Кавказских войск, напившись, танцевала лезгинку... 8 сентября напившегося до невменяемости офицера пришлось вынести из зал на руках, успели вынести, как с ним сделалось дурно» (НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 27. Д. 2948. Л. 113). Успокоить офицерские компании не были способны ни ресторатор, ни полиция.

Нижние чины не могли себе позволить посещение ресторанов, поэтому стали клиентами нелегальных трактиров и торговцев. 22 декабря 1914 года гродненский губернатор В. Н. Шебеко (1864–1943) приказывал уездному исправнику разобраться с ситуацией в Волковыске, где «нижние чины появляются на улицах в пьяном виде, потайные кабачки почти на каждой улице и между прочим у еврея Липшица по Александровской улице» (НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 9. Д. 2165. Л. 4).

В Брест-Литовской крепости заместителем коменданта по гражданской части в течение августа-декабря 1914 г. было рассмотрено 26 дел о нелегальной продаже пива и крепких напитков (при этом 3 в отношении одного лица). Привлечение к ответственности предусматривалась как за саму торговлю, так и за самовольное перемещение и хранение спиртных напитков. По 10 делам виновные были приговорены к выселению. Основаниями для выселения были повторные случаи, спаивание нижних чинов и продажа денатурата. За продажу пива наказание обычно составляло от 10 руб. штрафа до 3 недель ареста. А вот владелец пивоваренного завода Шульц был осужден за продажу пива крестьянам на три месяца заключения, но затем по неизвестным причинам освобожден (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 890. Л. 99).

Отдельная группа правонарушений была связана с фармацевтической деятельностью. Ради получения спиртосодержащих жидкостей отдельные граждане подделывали рецепты, а вместо печати использовали отпечатки 3-х или 5-копеечных монет (НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 447. Л. 118). Однако и аптекари стремились заработать в сложившейся ситуации. 23 мая 1915 г. был задержан владелец аптеки в г. Слоним Валериан Стробейко за продажу нижним чинам и частным лицам настойки «перцовка». За три с половиной месяца Стробейко продал 35 вёдер спирта и отослал запрос еще на 150. Для сравнения, аптека Припинского в Слониме реализовала всего 7 вёдер за год. Стробейко был приговорен к 2 000

рублей штрафа, с заменой на два месяца тюрьмы, и выслан в Енисейскую губернию под надзор полиции (НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 9. Д. 2070. Л. 22–27).

В сельской местности дела с раскрытием случаев нелегальной продажи спиртных напитков шли хуже. Успешность таких дел зависела от показаний свидетелей. Но в условиях села, когда торговцев было не так много и они были знакомы покупателям, заявления писали или люди обиженные, или те, кто случайно попал в компанию.

Появлялись и различного рода мошенники, которые не продавали спиртное, но иным способом наживались на запретительной политике. В Витебске в мае 1915 года были задержаны двое местных жителей, которые занимались вымогательством денег у местного населения под угрозой донесения полиции о тайной торговле алкоголем. В случае отказа они обращались в полицию, предъявляя бутылку с неизвестной жидкостью в качестве доказательства. В Городокском уезде Витебской губернии в ночь с 15 на 16 июля 1915 года были задержаны 3 дезертира, которые разъезжали по деревням, выдавая себя за военный патруль, производили обыски и конфисковали спирт у населения (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49454. Л. 60, 171).

Активизация нелегальных торговцев и потребления алкогольных суррогатов потребовали более жёстких запретительных мер. В декабре 1915 года были введены ограничения на продажу денатуратного спирта — разрешения на покупку выдавались лишь полицией, а в Витебской губернии секретным постановлением исполняющего обязанности губернатора запрещалось выдавать разрешения евреям (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49139. Л. 1, 6).

8 марта 1916 года командующим Двинского военного округа был введён запрет на всякую продажу спирта в зоне военных действий. 29 мая запрет был распространён на производство, хранение и продажу алкогольных суррогатов, а также на производство перегонных аппаратов и их частей. Ещё через месяц — 27 июня 1916 года — под запрет попали напитки, получаемые путём брожения — пиво, мёд, брага, квас и др. при содержании в них алкоголя свыше 1,5%, а также при наличии одурманивающих добавок — настойки табака, калгана, перца и других (НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48976 Л. 516, 549, 567). Рассматривался и проект по перекалфикации уголовной статьи за продажу денатуратного спирта на статью за «умышленное отравление», по которой предусматривались каторжные

работы от 8 до 15 лет и лишение всех прав (*Наша Нива* 1915, 4). Однако усиление репрессивных мер не могло искоренить пьянство.

Таким образом, хотя в Российской Империи в 1914 г. начала готовиться программа по постепенному ограничению продажи алкогольных напитков, в результате начала Первой мировой войны власти пошли на резкие изменения, фактически создав систему «сухого закона». Был ли этот шаг оправдан с экономической точки зрения – сложно подсчитать. По заявлению министра финансов П. Барка на преодоление последствий нововведения понадобилось около 2 лет (Мак-Ки 1999, 155). Некоторые современные исследователи усматривают в данных действиях черты заговора, который явился миной замедленного действия для Николая II. Прямой недобор казны составил сумму, эквивалентную 10% средств, затраченных российским правительством на ведение войны (Пашков 2010, 90). Отношение населения к данным мероприятиям было также неоднозначным. Запретительные меры не подкреплялись культурно-просветительской работой и организацией досуга населения, чем в довоенное время занимались комитеты попечительства о народной трезвости, деятельность которых к 1914 году практически прекратилась и носила во многом формальный характер, а для её активизации не было средств. В западных губерниях, оказавшихся на военном положении, действовали более жесткие запретительные меры, но предварительная непоследовательная политика и стремительность перемен вызвали нежелательные результаты, такие как рост нелегальной продажи алкогольных напитков и потребление алкогольных суррогатов, к борьбе с которыми власти были не подготовлены.

Список источников и литературы

Национальный исторический архив Беларуси (Минск) (далее НИАБ). Ф. 1430 (Канцелярия витебского губернатора). Оп. 1. Д. 48806 (Дело о разграблении запасными чинами винных лавок в разных местах Витебской губернии во время их мобилизации (1914)).

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48533 (Дело по предоставлению уездными исправниками сведений о деятельности чинов полиции по ликвидации беспатентной продажи спиртных напитков по Витебской губернии (1913–1915)).

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48976 (Дело о распространении обязательных постановлений Витебского губернатора о нахождении Витебской губернии на военном положении, о запрещении продажи пива и спиртных напитков).

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49139 (Дело об ограничении продажи денатуратного спирта в районе расположения войск в г. Витебске и его окрестностях)

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49304 (Дело по обвинению крестьянина Режицкого уезда М. Пельша в незаконной продаже спиртных напитков (1914))

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49454 (Дело по отношениям о запрещении хранения огнестрельного оружия, о запрещении продажи спиртных напитков (1914–1917)).

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 50064 (Дело о нарушении обязательных постановлений губернатора разными лицами, о деятельности полиции по борьбе с тайным винокурением (1914–1915))

Национальный исторический архив Беларуси (Гродно) (далее НИАБ (Гродно)). Ф. 1 (Канцелярия Гродненского губернатора). Оп. 9. Д. 2165 (Переписка с Управлением Акцизными сборами и полицейскими учреждениями о торговле спиртными напитками (1914–1915)).

НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 9. Д. 2070 (Дело о выселении из пределов Двинского военного округа ... за тайную торговлю спиртными напитками (1914–1915)).

НИАБ (Гродно). Ф. 1. Оп. 27. Д. 2948 (Дело о закрытии питейных заведений по случаю военных действий (1914)).

НИАБ (Гродно). Ф. 22 (Волковысский уездный комитет попечительства о народной трезвости). Оп. 1. Д. 10 (Переписка с губернским комитетом попечительства о народной трезвости и Главным Управлением неокладных сборов (1914–1915)).

НИАБ (Гродно). Ф. 30 (Гродненское губернское акцизное управление). Оп. 1. Д. 447 (Циркуляры управляющего акцизными сборами об ограничении открытия питейных заведений).

НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 594 (Книга регистрации протоколов сельских сходов по Гродненской губернии (1913–1914)).

НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 604 (Циркуляры, распоряжения Главного Управления неокладных сборов и казённой продажи питей о мерах борьбы с алкоголизмом (1914)).

НИАБ (Гродно). Ф. 30. Оп. 1. Д. 890 (Постановления, протоколы, переписка с управляющим акцизными сборами о нарушении правил продажи крепких напитков в Гродненской губернии (1914–1915)).

Наша Ніва (1915), 21 лютага.

- Бородин Д. (1915) *В защиту трезвости*. Петроград. 25 с.
- Введенский И. (2008) *Опыт принудительной трезвости*. Екатеринбург: ООО «ИРА УТК». 51 с.
- Канель В. (1914) *Алкоголизм и борьба с ним*. Москва: Типография И. Д. Сытина. 532 с.
- Мак-Ки А. (1999) «Сухой закон» в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. В кн.: *Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium)*. Санкт-Петербург. С. 150–156.
- Мендельсон А. (1916) *Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства*. Петроград. 55 с.
- Пашков Е. (2010) Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны. *Вопросы истории*, № 10; 80–93.

Sergejs Meņčena

Karš un alkohols: cīņa pret alkohola lietošanu Pirmā pasaules kara laikā Dvinskas un Minskas kara apgabalos (1914–1916)

Atslēgas vārdi: Pirmais pasaules karš, “sausais likums”, nelegāla alkohola tirdzniecība, alkohola aizvietotāji

Kopsavilkums

Pētījums veltīts “piespiedu atturības” politikas realizācijas īpatnībām Pirmā pasaules kara laikā Dvinskas un Minskas kara apgabalu teritorijā. Varas pārstāvji plānotās pakāpeniskās atturības politikas ieviešanas vietā pieņēma kardinālus lēmumus, kas ne tik daudz samazināja alkohola lietošanu, cik veicināja tā nelegālo tirdzniecību. Sākās valstij piederošo bodišu likvidācijas kampaņa, tiesības aizliegt tirgot alkoholu saņēma pilsētu un lauku biedrības. No piefrontes teritorijām izveda spirta krājumus, tika ieviesta atbildība par alkohola pārdošanu un parādīšanos sabiedriskajās vietās alkohola reibumā. Šo darbību negatīvās sekas bija kā nelegāla alkohola tirgošana, tā arī alkohola aizstājēju (kandžas, denaturētā spirta) lietošana. Varas iestādes cīnījās ar šīm parādībām, galvenokārt pielietojot dažādus ierobežojošos pasākumus (naudas sods, apcietinājums, izsūtīšana). Netika veikti kultūrizglītojošie darbi, un iedzīvotājiem netika piedāvāti pasākumi brīvā laika pavadīšanai, ar ko pirmskara gados nodarbojās biedrības, kuras gādāja par tautas atturību. Šo biedrību darbībai 1914. gadā daudzējādā ziņā piemita formāls raksturs, faktiski to darbība tika pārtraukta. Cīņu pret alkoholu neveicināja arī iepriek-

šējā pretrunīgā politika: vara deklarēja cīņu pret alkohola lietošanu, bet tajā pašā laikā bija ieinteresēta gūt peļņu no degvīna pārdošanas: 1912. gadā ieņēmumi no “vīna monopola” bija plānoti 26% apmērā no kopējā valsts budžeta. Kara darbības laikā Krievijas varas iestādes nespēja pārstrukturēt ekonomisko sistēmu, un tas padziļināja krīzi.

Sergey Menchenya

War and Alcohol: the Struggle for Sobriety during World War I in Dvinsk and Minsk Military Districts (1914–1916)

Key words: World War I, alcohol ban, illegal sale of alcohol, alcohol surrogates

Summary

The article is devoted to the peculiarities of implementing the policy of “compulsory sobriety” during World War I on the territory of the Dvinsk and Minsk military districts. Instead of the planned gradual transition, the authorities took drastic measures that led not only to reducing drunkenness, due to the virtual disappearance of legal alcohol. The campaign to eliminate public shops started and the right to prohibit the sale of alcoholic beverages was given to urban and rural societies. From the front-line territory, stocks of alcohol were exported and responsibility for selling alcohol and for appearing in a public place in a state of intoxication was introduced. Along with this, there were such negative consequences as the growth of illegal sales of alcohol and the consumption of alcohol surrogates: moonshine, denatured alcohol. The authorities fought these phenomena mainly with prohibitive measures (fines, arrests, evictions), which were not supported by cultural and educational work and the organization of leisure of the population, like it had been in the pre-war time by the committees of people’s sobriety, whose activities by 1914 had virtually ceased and were in many respects of a formal character. The previous inconsistent policy, in which the authorities declared a struggle against drunkenness, did not contribute to the fight against alcohol, but were interested in receiving cash from selling vodka. So in 1912 the revenues from the “wine monopoly” were planned at the rate of 26% of the total state budget.

During the war, the Russian authorities were unable to restructure the economic system that led to the intensification of crisis phenomena.